

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ДУХОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ВРЕМЕНИ ПРЕПОДОБНОГО АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО

В.Д. Орлова

преподаватель Тамбовской духовной семинарии
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация: В статье описывается Тамбовская духовная семинария в 1820–1830-х годах. Приведены сведения об отличных учебных успехах и примерном поведении Александра Гренкова – будущего преподобного Амвросия Оптинского. Говорится о его доброжелательном восприятии атмосферы этого учебного заведения. Сделан вывод о соответствии организации учебно-воспитательного процесса педагогическим традициям тех лет и открытости семинарии для городского общества.

Ключевые слова: А. Гренков, Амвросий Оптинский, Тамбовская духовная семинария, семинаристы, устав духовно-учебных заведений 1814 г.

Александр Михайлович Гренков (будущий преподобный Амвросий Оптинский) учился в Тамбовском духовном училище с 1824 по 1830 год и в Тамбовской духовной семинарии с 1830 по 1836 год. Преподавал в Липецком духовном училище греческий язык с 1838 до 1839 года.

Первыми заинтересовались историей Тамбовской духовной семинарии тамбовские краеведы XIX века С.А. Березнеговский¹, И.И. Дубасов², Г.В. Хитров³, Н. Евгенов⁴, А.Е. Андриевский⁵. Кратко об истории семинарии писал А. Нечаев⁶. В начале XXI века историю Тамбовской духовной семинарии исследует

¹ Березнеговский С.А., *прот.* Тамбовская семинария // ИТУАК. Тамбов, 1913. Вып. 55. С. 204–224.

² Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 79–111.

³ Хитров Г.В., *свящ.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. 340 с. ; *Его же.* Первое Тамбовское духовное училище // ТЕВ. 1887. № 5. С. 220.

⁴ Евгенов Н. Тамбовская духовная семинария в 1830–1840-х гг. // ТЕВ. 1879. № 7. С. 225.

⁵ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов, 1911. С. 29–31.

⁶ Нечаев А. Очерки из истории Тамбовской церкви. СПб., 1908. С. 9, 34.

ректор современной Тамбовской духовной семинарии митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий⁷. Среди публикаций есть статьи, касающиеся истории Тамбовской духовной семинарии 1820–1850-х годов⁸.

Основным источником для исследований являются документы Государственного архива Тамбовской области, в котором сохранились фонды Тамбовской духовной консистории, Тамбовской духовной семинарии, Первого Тамбовского духовного училища⁹. Часто цитируемые воспоминания о Тамбовской духовной семинарии относятся к середине и второй половине XIX века¹⁰. Они предназначались к публикации и несли на себе отпечаток критического отношения к годам юности мемуариста. О семинарии в 1830-е годы написано гораздо меньше. В начале XX века были публикации, связанные с подготовкой канонизации и 10-летием со дня кончины преподобного Амвросия Оптинского. В приложениях к ним приведены документы Александра Гренкова об окончании Тамбовского духовного училища¹¹ и Тамбовской духовной семинарии¹². Ценную информацию об ученических годах преподобного собрал архимандрит Агапит (Беловидов) – выпускник Тамбовской духовной семинарии второй половины XIX века. Он был пострижен в мантию в Оптиной пустыни. Архимандрит Агапит

⁷ *Феодосий (Васнев), митр. Тамбовский и Рассказовский*. Тамбовская духовная семинария: предыстория учреждения и первые годы деятельности (1779–1802) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. Тамбов, 2014. Вып. 1. С. 60–67; *Его же*. Тамбовская духовная семинария накануне и в период реформ духовных учебных заведений 1808–1818 годов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. Тамбов, 2015. Вып. 2. С. 112–122.

⁸ *Феодосий (Васнев), еп. Тамбовский и Мичуринский*. Тамбовская духовная семинария в 1820–1850-е годы: управление семинарией, учебная часть и преподавательский состав // ТЕВ. 2009. № 3. С. 34–38; *Его же*. Обучение, система воспитания, бытовые условия и повседневная жизнь в Тамбовской духовной семинарии в 1820–1850 годы // ТЕВ. 2009. № 4. С. 32–38.

⁹ ГАТО. Ф. 181, 186, 189.

¹⁰ *Крюковский В.Я.* Около бурсы: воспоминания о тамбовской духовной школе 60-х гг., в связи с очерком тогдашнего сельского духовенства. Свенцяны, 1914. 78 с.; *Дубасов И.И.* Указ. соч. С. 260–285.

¹¹ *Соколов Р.Ф.* Приснопамятный старец Русской земли, подвижник Козельской Оптиной пустыни, отец Амвросий // Известия Тамбовской ученой комиссии: избранное: в 5 т. Тамбов, 2010. Т. 4. С. 139.

¹² *Агапит (Беловидов), схиархим.* Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия: с его портр. и факс.: в 2 ч. М., 1992. Прил. С. III.

процитировал мемуары однокурсников Александра Гренкова, а также фрагментарно воспроизвел воспоминания самого преподавателя о его учебе¹³. Отношение к семинарским порядкам в них отличалось от популярных тогда критиканских оценок. Душевное тепло преподавателя Амвросия проявилось в долгой памяти о добрых качествах наставников, его разумном отношении к очень строгой дисциплине в духовных учебных заведениях.

Так как в середине XIX века готовились новые реформы духовного образования, то существовавшие в нем с начала XIX века традиции стали подвергаться суровой критике. Русская пореформенная публицистика и художественная литература создавали неприглядный образ бурсаков и огульно делали вывод о постоянно низком качестве дореформенного семинарского образования. Мемуаристы тоже откликались на запросы читающей публики, ожидавшей очередных исторических анекдотов о порядках в духовных учебных заведениях.

Оценка педагогической атмосферы всегда субъективна. Много зависит от настроения мемуариста, от характера сохранившейся документации. Ведь очевидно, что проступки фиксировали всегда, очень хорошие поступки – иногда, а норму (то, что ей считалось) – очень редко. Но историческое исследование должно стремиться к оценке событий и явлений, прежде всего, с точки зрения времени их существования.

В 1830-е годы Устав духовно-учебных заведений, принятый в 1814 году, еще не устарел и вполне соответствовал запросам церкви, педагогическим и общественным представлениям о воспитании и образовании будущих пастырей. Педагогика и методика обучения мальчиков и юношей духовного сословия во времена пребывания преподобного Амвросия в Тамбовском духовном училище и семинарии принципиально не отличались от военных и светских мужских учебных заведений. Строгость к ученикам и аскетизм их быта были нормой традиционного общества того времени. Ведь внутренняя мотивация мальчишек к учебе была скорее исключением, чем правилом. К тому же считалось, что требовательное отношение к мальчику или юноше помогает осознанию им страха Божия, который во взрослой

¹³ Там же. Ч. 1. С. 6–14.

жизни более необходим, чем знание предметов. Эти порядки стали восприниматься как слишком суровые только по мере модернизации общества.

В 1824 году, когда двенадцатилетнего Александра Гренкова привезли учиться в Тамбов, в нашей губернии еще не было светских средних учебных заведений. Мужская гимназия в Тамбове открылась в 1825 году. В ней был семилетний курс обучения. Дворянские сыновья после домашнего начального образования получали профессиональную (чаще всего военную) подготовку за пределами родного края. Купеческие дети ограничивались учебой в городском четырехклассном училище. Духовенство же было обязано отдавать здоровых мальчиков в духовные училища для постижения шестилетнего курса. Примерно треть выпускников училища еще шесть лет продолжала образование в семинарии. То есть, полный курс духовного образования составлял двенадцать лет. Семинарское образование тогда считалось не только полноценным обучением будущих пастырей, но и хорошей общепедагогической подготовкой. Помимо большого курса гуманитарных и богословских наук изучали математику, географию, физику, логику, психологию. Занятия риторикой развивали красноречие юношей. Достаточно глубокое знание семинаристами древних языков и философии позволяло им натаскивать по этим предметам даже гимназистов старших классов. Поэтому никого в Тамбове не удивляло приглашение репетиторами в дворянские семьи хорошо успевавших семинаристов.

В описываемое время старшее поколение духовного сословия, в том числе дед и отец преподобного Амвросия, не имели школьного образования. Профессия священника была наследственной и приобреталась сыном от отца в процессе многолетнего совместного служения. У предков будущего Оптинского старца не было фамилии. Это было обычным для начала XIX века. Дворяне на Руси получали фамилии в XVII веке, крупное купечество в XVIII, мещане и духовенство в конце XVIII – начале XIX века, а основная масса крестьянства – только после отмены крепостного права. В селе и крестьяне, и представители духовного сословия в обиходе имели прозвища. Если человек не покидал родных мест, то фамилия ему не требовалась до конца жизни. Поэтому

педагоги духовного училища давали фамилию вновь прибывшим сыновьям сельского духовенства. Старший брат Александра Николай Михайлович (будущий директор Киевской гимназии) именно в Тамбовском училище в 1819 году получил фамилию Гренков¹⁴. Младшим братьям, для фиксации родства, в училище давали фамилию старшего брата.

Обучение в духовном училище и семинарии было бесплатным, а за содержание нужно было платить. Казеннокоштные места давались самым бедным из хорошо успевавших учеников, чаще всего полусиротам и сиротам. За плохую учебу семинариста переводили с бесплатного места на платное. Александр Гренков, несмотря на отличные успехи, пользовался лишь «полубурсачным» содержанием как сын многодетного отца, у которого было 4 сына и 4 дочери¹⁵.

Прежде чем говорить об организации учебного процесса, надо осмыслить трудности, с которыми сталкивались педагоги тех лет. К 1824 году духовное училище административно было отделено от семинарии, но до 1832 года учебные здания и до 1850 года бурса (общежитие) еще были общими. Тогда на территории семинарии, за каменной оградой, кроме большого двухэтажного корпуса фасадом на Набережную, были деревянный больничный корпус, флигель для учителей-монахов и холостых педагогов, флигель для казеннокоштных учеников, ледник, конюшня, экипажный сарай, баня, колодец. В 1823 году был выстроен новый двухэтажный корпус с колоннадой, выходящей на Покровскую площадь. В него перевели пекарню, кухню и столовую. Хлеб был основным продуктом питания бурсаков. При собственной выпечке он обходился дешевле. На первом этаже флигеля поселили казеннокоштных воспитанников училища, а на втором и в мезонине – семинаристов¹⁶.

На съемных квартирах в городе тоже вместе жили и иногородние десятилетние мальчики, и усатые второгодники. На одной квартире бывало по 10–12 человек. Разновозрастность в классе была обычной педагогической проблемой. Александр Гренков начал учебу поздно, в 12 лет, по воле отца. Это был предельный

¹⁴ Соколов Р.Ф. Указ соч. С. 121.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Березнеговский С.А., прот. Указ соч.

высший возраст поступления в училище. Большинству перво-классов духовного училища было 7–8 лет. Неудачников оставляли на второй и даже на третий год. В результате в выпускных классах бывали и тридцатилетние семинаристы. Одновременная учеба нескольких родных и двоюродных братьев разного возраста несколько смягчала обстановку. Старшие родственники всегда опекали своих младшеньких.

Хотя в епархии были и другие духовные училища, отцы стремились отвести сынишку учиться именно в Тамбов. Поэтому Тамбовское духовное училище было переполнено. В 1830-е годы в нем учились около 1000 мальчишек от 7–8 до 16–18 лет! Для сравнения: стандартные советские проекты зданий для средних школ 1970-х годов (в Тамбове № 4, 13, 34) были рассчитаны на 1200 учащихся одной смены. Только представьте себе двор семинарского здания на набережной на перемене в теплый день! В нем буквально кишела играющая в «чехарду», «пятнашки», «чижика» и «лапту» ребятня, практически не отличавшаяся от своих крестьянских сверстников. Настроить воспитанников на серьезную учебу было весьма непросто.

В семинарию принимали только лучших выпускников духовного училища. В ней в 1830-е годы учились человек 500. В жилой или классной комнате находилось от 50 до 80 семинаристов. Они уже выросли из игры в «чехарду». Совершенно обычным делом было их участие в кулачных боях как среди семинаристов, так и за стенами учебного заведения в городе. Уровень мастерства кулачного боя делал некоторых из них живыми легендами для младших учащихся. Запрещалось участие семинаристов в кулачках только в качестве наемных бойцов. Обычные честные поединки рассматривались тогдашней педагогикой так, как сейчас воспринимают экстремальные виды спорта. К сожалению, после выпуска и получения прихода эта забава оставалась у некоторых бывших семинаристов любимой. Отдельные молодые дьяконы и батюшки позволяли себе участие в кулачных боях. В фонде консистории сохранилось несколько следственных дел о случаях тяжких увечий, нанесенных духовными лицами односельчанам в честном «стеношном» бою. Еще одна забава семинаристов – карточная игра – всячески пресекалась педагогами, но была неистребима. Занятия на досуге музыкой и пением

поощрялись в семинарии только при условии исполнения лишь духовного репертуара. «Стремление семинарской молодежи к увеселению сдерживалось в пределах умеренности строгостью семинарского начальства»¹⁷.

Для поддержания дисциплины и стимуляции к учебе многочисленных учеников немногочисленные педагоги (максимум, человек 20 на полторы тысячи воспитанников и семинаристов) были вынуждены прибегать к обычной для того времени практике, которая осуждалась моралистами. Они назначали старших по комнате (по сути – большой казарме), наемной квартире, учебному классу, предмету для контроля за остальными.

С философского класса (за четыре года до выпуска) семинаристы именовались студентами. С этой же поры, особенно же с богословского класса (последние два года обучения), их привлекали к педагогической и административной деятельности. Семинаристы-комиссары разбирались в ведении хозяйственных и канцелярских дел. Семинаристы-подлекаря составляли лекарства и вели их учет. Семинаристы-«сеньоры» следили за нравственностью и успехами младших товарищей, с правом карать и миловать. В случае отсутствия кого-либо из учителей привилегированные старшекурсники вели уроки¹⁸. Одним из поощрений для лучших учащихся было их почетное причисление к старшим не по возрасту, а за заслуги.

Старший семинарист вел специальный журнал, в котором не только записывал провинности, но и ставил оценки товарищам за готовность к урокам. Качественно выученный урок следовало ответить строго по написанному тексту, не допустив ни малейшего отступления. «Сеньор» проверял вызубренное тремя-четырьмя одноклассниками по книжке. Педагог не мог опросить класс в 80 человек за час и спрашивал только выборочно. При объяснении нового материала учитель ориентировался на старших учеников, поручая им «вдолбить» материал отстающим. Тогда это называлось методикой взаимного обучения и считалось весьма прогрессивным.

Одноклассники завидовали способному Александру Гренкову, легко отвечавшему домашние задания. К тому же, он многое

¹⁷ Агапит (Беловидов), архим. Указ. соч. Ч. 1. С. 6.

¹⁸ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 419–420.

запоминал еще на уроке. А вот слабым ученикам приходилось зубрить допоздна. При этом свечу для времени приготовления уроков учащийся должен был покупать сам. Товарищ преподобного Амвросия по семинарии Василий Федорович Светозаров вспоминал: «Тут бывало на последние копейки купишь свечку, твердишь-твердишь заданные уроки; он же (Гренков) и мало занимается, а придет в класс, станет наставнику отвечать, – точно как по писаному, лучше всех»¹⁹.

Среди учителей не осуждалась практика выслушивания коллегами доносов одних учеников на других. К ней прибегали не все, но доносительство считалось, своего рода, нормальным способом получения информации о настроениях учащихся. Доносчиков сверстники, естественно, не любили.

Оценки по поведению считались очень важными. Также оценивались способности и прилежание ученика. Балльной системы отметок не было, давалась словесная формулировка, учитывавшая индивидуальность. После окончания духовного училища поведение Александра Гренкова было оценено как примерное «при способностях весьма хороших и прилежании неутомимом»²⁰. Его поведение после семинарии было оценено как «очень доброе при способностях очень хороших, прилежании постоянном»²¹. Такие оценки не требовали написания дополнительных характеристик выпускников.

Система наказаний воспитанников и семинаристов была суровой. Даже за отказ от ответа ставили на колени²². Причем был вариант, при котором стоять полагалось не на полу, а на мешочке с горохом, так больнее. Наказывали и определенным количеством поклонов. Относительно легким телесным наказанием считалось битье линейкой по ладоням. За неоднократно невыученный урок или озорство полагалось наказание розгами. В зависимости от вины могли сечь в одну, две или несколько розог. Порка могла быть келейной или публичной. Телесные наказания в семинарии были отменены только в 1850-е годы. За серьезное нарушение дисциплины младших оставляли без обеда, а старшим давали только

¹⁹ Агапит (Беловидов), архим. Указ. соч. Ч. 1. С. 6.

²⁰ Соколов Р.Ф. Указ. соч. С. 139.

²¹ Агапит (Беловидов), архим. Указ. соч. Ч. 1. С. 7.

²² Там же.

хлеб и воду в течение недели. Существовал и карцер для самых «отпетых» взрослых семинаристов. «Упорных и великовозрастных лентяев исключали в епархиальное ведомство, но большинство их не печалилось от этого и с радостью предавалось дьячковству и пономарству»²³.

Поощрениями была похвала семинариста наставником перед классом, одобрение инспектора перед классом, благодарность, награждение подарком (обычно книгой).

Руководил воспитательной работой и отчитывался о дисциплине семинаристов инспектор семинарии. У него были два помощника. Они не вели уроки, а только контролировали поведение учащихся на семинарской территории, съемных квартирах и в городе. Особое внимание инспектора обращалось на усердие воспитанников в молитве. Ценилось повиновение. Осуждалась праздность. Инспектором Тамбовской семинарии и духовного училища в годы учебы Александра Гренкова был кандидат богословия архимандрит Лаврентий.

Став после окончания семинарии наставником в Липецком духовном училище, преподобный Амвросий там не потакал лентяям и шалунам, считая, что способы поддержания дисциплины, к которым прибегали его тамбовские педагоги, эффективны. В марте 1838-го он был учителем первого класса, затем переведен был во второй и, наконец, – в низший класс²⁴ преподавателем греческого языка. До 1852 года первые два года обучения воспитанников духовных училищ считались приходскими. Потом шли первый, второй, низший и высший классы.

Учебный курс в Тамбовском духовном училище позже 1818 года был шестилетним. Но первые два года иногородние дети могли учиться в приходском училище близ родных мест. Учебный курс в семинарии – еще шесть лет. В семинарской библиотеке в 1820–1830-х годах преобладали книги на латыни. Учебников было мало. Для подготовки к экзаменам наставники (так называли педагогов-предметников) давали рукописные конспекты своих лекций. Круг основных и дополнительных вопросов на экзамене обычно не выходил за пределы конспекта. Спрашивать непройденный материал было не принято. Семинаристы

²³ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 420.

²⁴ Соответствовал третьему году обучения.

писали много сочинений по всем предметам. В них ценилось умение выразить собственное мнение. По сочинениям наставники следили за интеллектуальным развитием подопечных. Половину сочинений полагалось писать на латинском языке. При изучении древних и новых иностранных языков главным считался навык письменного литературного перевода с языка на язык, а не овладение устной речью. Ежемесячно несколько переводов и сочинений семинаристов посылались правящему архиерею для оценки. Поощрялось овладение семинаристами стихосложением.

В декабре семинаристы сдавали так называемый внутренний экзамен. На нем присутствовал наставник, ректор и члены семинарского Правления, также задававшие вопросы. Кроме устных ответов, на внутренних экзаменах писали контрольные сочинения на русском и латинском языках.

Епископ Арсений (Москвин), возглавлявший Тамбовскую кафедру в 1832–1841 годах, «двинул вперед образование духовного юношества. С этой целью он завел в местной семинарии торжественные публичные экзамены, богословские диспуты, праздничные речи и разговоры и усилил латынь»²⁵. Владыка Арсений был строг и справедлив. Он обстоятельно экзаменовал и наказывал учащих за незнание, но мог и сурово спросить с наставника за необъективное отношение к семинаристам.

В июне сдавался открытый или публичный экзамен, на который приглашали представителей городской гражданской администрации и почетных гостей. По итогам экзаменов составлялся реестр, в котором фамилии семинаристов, в соответствии с успехами, располагались с первого до последнего. Отличниками считались первые десять человек. Их называли учениками первого разряда.

Александр Гренков окончил Тамбовское духовное училище в 1830 году первым из 148 своих сверстников²⁶ с отличными оценками по чтению, чистописанию, российской грамматике, латыни, греческому языку, пространному катехизису и священной истории. Оценку «препохвально» ему поставили по географии, арифметике, славянской грамматике, церковному уставу, нотному пению. Внутренний и открытый экзамен он сдал на «отлично» и был

²⁵ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 96.

²⁶ Соколов Р.Ф. Указ. соч. С. 148.

переведен в семинарию «для дальнейшего наук продолжения»²⁷. Семинарию он окончил со степенью студента под номером 7 и мог поступать в духовную академию²⁸. Тогда Тамбовская духовная семинария относилась к ведению академического Правления Казанской духовной академии.

Вот итоговые оценки семинариста Гренкова. Весьма хорошо – богословие и церковно-исторические науки. Очень хорошо – философия. Изрядно – физико-математические науки, еврейский и греческий языки. Похвально – словесные науки и гражданская история. Хорошо – французский и татарский языки. «Принадлежит к первому разряду учеников. Возведен на степень студента, имеющего право университетского студента»²⁹.

До 1846 года в Тамбовской духовной семинарии не было своей домово́й церкви. Каждый учащийся имел при себе икону, которой его благословили на учебу в Тамбове родители. У преподобного Амвросия родительским благословением была икона Царицы Небесной, именуемая Тамбовской³⁰. Каждый день начинался и кончался общей молитвой, на которой были обязаны присутствовать все семинаристы, независимо от места жительства. Пропуск богослужений считался тягчайшим нарушением дисциплины. На литургию семинаристы ходили в кафедральный Спасо-Преображенский собор. Всенощные служили в бурсацкой столовой.

Богослужебная подготовка старших семинаристов включала умение составлять и говорить проповеди. Учащимся выпускного богословского курса полагалось сказать за год не меньше двух проповедей собственного сочинения в церквях города Тамбова.

В годы учебы Александра Гренкова были весьма достойные руководители этого учебного заведения. Сначала ректором был архимандрит магистр богословия Иоанн (Архангельский). Он обладал даром сочетания строгости, дальновидности и деликатности в обращении с наставниками и воспитанниками.

«Покойный старец вспоминал о бывшем в его время семинарском ректоре, молодом архимандрите Иоанне... Человек был очень умный, дальновидный, благоразумно строгий и весьма

²⁷ Там же. С. 139.

²⁸ Агапит (Беловидов), архим. Указ. соч. Ч. 1. С. 7.

²⁹ Там же. С. 14.

³⁰ Там же. С. 8.

искусный в обращении с наставниками и воспитанниками. Бывало, если узнает, что кто-либо из наставников опаздывает к классным занятиям, заранее придет в класс сам. «Где же, – спросит, – наставник?» На ответ учеников: «Еще не приходил», – скажет: «Послать». А сам ходит по классу. Придет наставник, как водится, несколько смущенный. Ректор, как будто, несколько не замечая его смущения, встретит его очень вежливо, также и скажет ему что-либо очень вежливое и приветливое и тот час удалится из класса, давая наставнику разуместь, что час занятия настал.

С воспитанниками обращался он также тихо, не гневался, ни на кого не шумел и никому из них не делал худых отметок по поведению; и только придет, бывало, в класс и проговорит им такую, например, внушительную речь: «Я знаю всех вас очень хорошо. Знаю все ваши способности и все ваши наклонности. Я уже не буду обличать хороших учеников, а вот вам, для примера, из низших». Называет фамилию... Ректор при всех начинает говорить: «Ты склонен к тому-то и тому-то. Подымает другого ученика. И ему говорит в обличении: „А ты имеешь наклонность вот к чему и вот к чему“. Потом прибавит: „Они по-товарищески сознаются вам“. Действительно, обличаемые сознавались, что ректор сказал сущую правду. После сего, если какой воспитанник начнет лениться или уроки перестанет готовить, или в класс ходить, скажет ему только ректор: „Смотри, обличу при всех!“ – так откуда только прилежание бралось»³¹.

Архимандрита Иоанна сменил архимандрит Анастасий (Ключарев). В последние годы учебы преподобного Амвросия ректором семинарии был архимандрит Адриан. Семинаристы считали его не очень строгим. Ректоры по-доброму относились к юношеству. Существовал обычай, по которому в теплый весенний будний день семинаристы могли получить выходной по разрешению ректора. Для этого два лучших семинариста шли на подворье Козловского монастыря, где он жил, и пели на латыни просьбу о рекреационном дне. В переводе это звучит примерно так: «Достопочтенный отец Ректор, стена и защита наша, укрепи юных воспитанников отдыхом»³².

³¹ Агапит (Беловидов), архим. Указ. соч. Ч. 1. С. 7.

³² Феодосий (Васнев), еп. Тамбовский и Мичуринский. Обучение, система воспитания, бытовые условия... С. 32.

Многие наставники Тамбовской духовной семинарии имели степень магистра, кандидата или профессора богословия. В основном они были выпускниками Казанской духовной академии. О высоком профессиональном уровне педагогического коллектива можно судить по разным фактам. Горожане, нанимавшие семинаристов репетиторами к своим сыновьям, непременно учитывали, у кого из наставников соискатель места проходил предмет. Занимались педагоги и научно-практической работой. Например, в связи со спецификой Тамбовской епархии семинаристы должны были, на выбор, учить татарский или мордовский язык. Традиции преподавания татарского языка были давними. Имелась нужная литература. А вот мордва даже не имела своей письменности. Тогда наставник и профессор церковно-исторических наук и греческого языка Павел Орнантов составил и издал первый в России мордово-русский словарь и перевел на мордовский язык чин церковной исповеди и Евангелие от Матфея, а наставник Николай Тюменев перевел на мордовский все четыре Евангелия³³.

Педагогическая атмосфера формировалась не только наставниками. В семинарии был большой штат вспомогательного персонала. Преподобный Амвросий до старости с благодарностью вспоминал портного, обшивавшего воспитанников духовного училища. «Когда я был мальчиком, был у нас общий портной. Я был высокенький, и он меня все Сашей звал; других же моих товарищей так ласково не называл. Признаюсь, меня это очень затрагивало»³⁴. Александр не был любимчиком в родной семье. Вероятно, поэтому доброе слово совсем чужого человека было ему особенно приятно. Кто знает, не легло ли это теплое воспоминание в основу его известной поговорки: «От ласки у людей бывают совсем иные глазки»³⁵.

Таким образом, учебно-воспитательная среда в Тамбовском духовном училище и духовной семинарии в 1820–1830-е годы соответствовала действовавшему тогда Уставу духовно-учебных заведений и педагогическим традициям того времени.

³³ Феодосий (Васнев), еп. Тамбовский и Мичуринский. Тамбовская духовная семинария в 1820–1850-е годы... С. 37.

³⁴ Агапит (Беловидов), архим. Указ. соч. Ч. 1. С. 6.

³⁵ Там же.

Тамбовская семинария находилась примерно на одном уровне с подобными ей учебными заведениями в других православных губерниях. Ее педагоги серьезно относились к своему служению, но находились в непростых условиях. Большое количество разновозрастных учеников, приходившихся на одного наставника, необходимость преподавать несколько предметов, бедная библиотека, тяжелые материально-бытовые условия жизни и учебы семинаристов осложняли учебно-воспитательный процесс. Но он менялся в лучшую сторону по сравнению с началом XIX века. Гораздо больше внимания уделялось интеллектуальному и нравственному развитию воспитанников. Семинария стала более открыта для городского общества. Ее ученики ценились уже не только за лидерство в кулачных боях, но и за знания и умение передавать их детям.